

В. А. Квинт²

РОЛЬ ПРОРОКОВ, ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ, ЛИДЕРОВ И СТРАТЕГОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ КОНТУРОВ И СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО

Люди всегда стремились получать знания о характеристиках и контурах будущего человечества, нации, коллектива, группы или индивидуума. Для этого соз-

давались различные методы и инструментари. Появлялись профессии, навыки и науки постижения будущего. Данной тематике в последние годы посвящены серьезные зарубежные исследования³, хотя еще в советской философско-футурологической школе такие процессы начинали осмысливаться⁴. До середины XX века для создания контуров и сценариев будущего использовались методологии анализа процессов прошлого и их проецирования на будущее.

В XX веке начали складываться психологические школы логико-психологического анализа, исследования профессиональной практики и теории мышления о будущем. Изучаются различные функции перспективного мышления в процессах предвидения, прогнозирования, долгосрочного планирования и в меньшей степени стратегирования. К концу XX века начали анализироваться различные поведенческие модели в сфере принятия экономических решений в условиях высокой степени неопределенности с использованием теорий неоклассической экономической школы. Это привело к формированию принципиально новой сферы экономических исследований — поведенческой экономики. В силу нетрадиционных предмета, методологии и выводов ученые, посвятившие себя данной проблематике, испытывали колоссальные трудности в признании идеи таких исследований. Например, Даниэль Канеман (Daniel Kahneman), получивший Нобелевскую премию по экономике за исследования в данной сфе-

² Иностраный член РАН (США), заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Научный руководитель факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН. Автор монографий, изданных за последние годы в США, Албании, Великобритании, Словении и других странах: "Strategy for the Global Market", "The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics" и др. Ряд работ переведен в России. Почетный доктор и профессор ряда университетов в России и за рубежом. Член Бреттон-Вудского комитета (Вашингтон), Всемирной академии искусств и науки. Член редколлегии журналов «Экономика и математические методы», «Управленческое консультирование», международного журнала "The International Journal of Emerging Markets" и др. Главный редактор журнала «Экономика в промышленности». Награжден орденами Почета, Дружбы, почетной грамотой Совета Федерации Федерального собрания РФ, золотой медалью Н. Кондратьева, а также научными наградами в России, Албании, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Казахстане, Киргизии, Словении, США, Украине.

³ Gladwell M. Blink: The Power of Thinking Without Thinking. N. Y. : Little, Brown, 2005.

⁴ Бестужев-Лада И. В. Предвидение // Малая российская энциклопедия прогнозтики. М., 2011. Т. 3.

ре (присуждена в 2002 г.), рассказал, что его первую статью, написанную в соавторстве с Амосом Тверски (Amos Tversky), не дожившим до присвоения этой высокой премии, отвергли в журнале как поверхностную. Канеман говорит: «Психологи на самом деле стремятся стать учеными, белыми шуртками, используя сложную статистику, экспериментируя. Ими тогда не воспринималась идея, что можно задать один вопрос и таким образом сформировать доказательство... так тогда психология не исследовалась»¹. С тех пор за исследования в сфере поведенческой экономики присуждены уже три нобелевские премии, в том числе в 2005 году Роберту Ауману (Robert John Aumann) и в 2017-м Ричарду Талеру (Richard H. Thaler). Обратившись к исследованиям и пониманию будущего, Даниэль Канеман пришел к исключительно неожиданному и плодотворному выводу: «Мы думаем о нашем будущем как об ожидаемых воспоминаниях»². Канеман делает вывод, что такое понимание и видение будущего должно заставить нас еще раз задуматься о нем именно через восприятие наших будущих ожиданий от принимаемых решений.

Это вынуждает еще глубже анализировать деятельность описанных в сакральных книгах пророков и провидцев, которые стремились пролить свет на неизвестное и поэтому пугающее и кажущееся нерациональным будущее. Именно к исследованиям «предсказуемой иррациональности» Канеман и Тверски впоследствии и перешли, разработав важную для теории и практики стратегирования теорию проспектного мышления в условиях высоких рисков³. С пониманием будущего связаны основные выводы когнитивной науки, позволяющей лучше понимать и оценивать потенциал принимаемых решений с точки зрения создаваемых ими рисков и эффективности в анализируемом будущем. Принятию верных решений на основе стратегического мышления бесспорно способствует и использование результатов исследований Роберта Аумана, связанных с анализом поведения и реакций конкурентов или партнеров на взаимодействие или борьбу в будущем. Прогнозирование и стратегирование — это не описание желаемых картин будущего, а скорее выяснение возможных и часто нежеланных сценариев в долгосрочной перспективе. Нужно пытаться оценивать и различать сценарии объективной и субъективной вероятности, в которых сталкиваются или кооперируются ценностные ориентиры, интересы и приоритеты субъектов стратегирования. Согласно выводам Аумана, в долгосрочных взаимодействиях и конфликтах выигрывают те, кто ставит долгосрочные стратегические приоритеты выше быстрого, но кратковременного успеха⁴.

Что касается провидцев и предсказателей, то прежде всего нужно признать то, как часто в изучении и стратегировании будущего приходится сталкиваться

¹ Kahneman D. We're beautiful devices // The Guardian. L., 2011. Nov. 14.

² Kahneman D. 9 TED Talks that will teach you how your mind works // Business Insider. N. Y., 2015. July 20.

³ Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47, iss. 2. P. 263–291.

⁴ Aumann R. Agreeing to Disagree. (Working Paper). Stanford: Institute for Mathematical Studies in the Social Sciences: Stanford University, 1975.

ся с проявлениями его нерациональности. Первыми из известных специалистов по выявлению и пониманию маршрутов людей в будущее были индивидуумы, «видевшие» картины будущего, — провидцы и пророки. Предвидение и пророчество — древние категории. Это навыки, проявившиеся задолго до того, как в древнееврейских и христианских скриптах появились записи, свидетельствующие о деятельности пророков и провидцев. Со времен, предшествующих шумерской и месопотамской цивилизациям, сохранились артефакты и записи о «профессиональных» провозвестниках, посланниках, воспринимаемых рупорами невидимой и неизвестной сверхсилы или божества.

Предвидение — сложившаяся категория научных исследований. Так, в Российской социологической энциклопедии сказано, что *предвидение (П)* «является по существу информационным (описательно-познавательным) аспектом опережающего отражения как имманентного свойства высших форм материи. Разделяется на научное и ненаучное П., а последнее — на интуитивное (связанное с подсознанием), обыденное (по народным приметам на основе жизненного опыта) и мантическое (псевдопредвидение в виде пророчеств, прорицаний, “откровений”, гаданий и т. п.) предвидение. Как абстрактная категория, П. имеет несколько форм конкретизации: предчувствие (простое предвосхищение), свойственное любому организму; предугадывание (сложное предвосхищение) — вид интеллектуальной деятельности человека, размышления о будущем на основе личного опыта...»⁵. Естественно предположить, что исторически предвидения и пророчества возникали не в результате особых знаний, а скорее благодаря свойствам интуиции провозглашавших их индивидуумов.

В истории монотеистических религий быть вестником Всевышнего — наиважнейшая функция пророка. Тем не менее в обществах, находящихся в разных фазах своей социально-экономической зрелости, в социальных средах с различными религиозными и культурными традициями, социальными предпочтениями пророки воспринимались не только как предвестники и посланники, но часто и как предсказатели, а иногда даже являлись лидерами. В жизнеописаниях Авраама и Моисея, представленных в книгах Бытие и Исход, а также в Коране, эти пророки предстают наделенными проактивными ролями и могут рассматриваться как пророки-лидеры. Способности Моисея описываются как беспредельные: так, в древнееврейском каноне говорится: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей» (Быт. 34: 10). Моисей начинает как вестник Высшей воли и вырастает до неоспоримого лидера, с концептуальных позиций становится величайшим стратегом. Его преемник Джошуа (Иисус Навин или Йехошуа-бин-Нун) необязательно воспринимается как пророк или провидец, а скорее как крупнейший лидер военной стратегии.

Сакральные тексты позволяют предположить, что в нескольких христианских традициях пророки-провидцы называются скорее святыми, чем запечатляются

⁵ Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998.

своим «профессионализмом» видения и провозглашения пророчеств. Во всяком случае можно заключить, что оба типа пророков скорее использовались Высшей силой в целях провозглашения важнейших событий, которые (предположительно) произойдут в будущем, или должны были иметь экстраспособности — предвидеть будущее и объявлять это аудитории. В обеих версиях пророк — это провидец и предсказатель, но не обязательно лидер.

В большинстве случаев провозглашенные пророчества были в такой степени за пределами понимания простого человека, что пророки-провидцы часто не воспринимались всерьез своими современниками. Например, так происходило и с дочерью мифологического троянского царя Приама Кассандрой, чьим предсказаниям о предстоящем падении Трои никто не верил вплоть до его воплощения в жестокую реальность.

В Торе слово “Navi” ассоциируется с мощным и точным видением таких великих лидеров, как Моисей и Самуил, в то время как “Navi'im” отображает тоже пророка-провидца, но только без лидерских качеств. В истории пророчеств были нередки случаи, когда лидеры/стратеги представляли свое стратегическое видение таким образом, что оно считалось пророчеством и после его практической реализации. В то же время необходимо подчеркнуть, что даже если некоторые стратеги в ряде случаев могут быть близки в своей деятельности к пророческому предвидению, они, тем не менее, не могут считаться пророками. В истории с той или иной степенью достоверности фиксировались случаи, когда некоторые предсказатели могли предвидеть события далекого будущего, однако и они не были ни провидцами, ни посланниками Высшего разума. К таким бесспорно одаренным людям можно, например, отнести писателей-фантастов: Жюль Верна, предвидевшего (на основе изучения ряда прогнозов и практических, но безуспешных попыток творческих людей) появление металлических подводных лодок; Джонатана Свифта, угадавшего существование обнаруженных позднее спутников Марса; Олдоса Хаксли, описавшего за несколько десятилетий до открытия геной инженерии жизнь общества, функционирующего на основе достижений этой тогда еще не существующей науки; Мартина Кайдина, предвосхитившего в своем романе «Киборг» человека с бионическими протезами, которые были созданы через 40 с лишним лет.

Можно привести десятки подобных примеров, но наиболее известным из гениев является выдающийся Мишель де Нострадам (Michel de Nostredame) — Нострадамус (1503–1566). Около 1550 года он начал публиковать свои предсказания и в 1555 году объединил их в первое самостоятельное издание — книгу «Центурий» («Столетия»), которая с тех пор многократно переводилась и переиздавалась как «Полные пророчества Нострадамуса» (“The Prophecies of Nostradamus”). Нострадамус рассматривал свои предсказания как пророчества. В предисловии к первому изданию книги, которое он адресовал своему сыну Сезару, Нострадамус представляет себя как пророка: «Только уникальные, вдохновленные Божественной силой, могут предска-

зывать конкретные события в духе пророчества». Тем не менее, в этом же предисловии Нострадамус написал: «Сейчас, мой сын, несмотря на то что я использовал имя пророка здесь, я не буду приписывать себе это возвышенное звание; он называется пророком сейчас, однажды назывался провидцем и в узком смысле слова, пророки — лишь те, которые видели вещи, отдаленные от естественных знаний человечества. Или, предположим, что пророки силой совершенного света пророчества могут видеть божественные вещи, так же как человек (который не может, однако, видеть эффекты будущих предсказаний), и расширять дистанцию видения к секретам Бога, которые непостижимы, и их эффективная мощь бесконечно удалена от естественных знаний, берет свое начало в свободе волеизъявления, вызванной теми явлениями, которые не известны ни человеческим предзнаменованиям, ни скрытым знаниям или секретной добродетели под Небесами. Только с помощью силы некоторой неделимой невидимой сущности и благодаря геркулесовым усилиям причины стали известны с помощью небесного движения».

Читая вышеприведенный текст Нострадамуса, можно сделать вывод, что он считал себя наделенным обеими силами — как пророка, так и предсказателя¹. Тем не менее Нострадамус не вполне уверен, кем он является — пророком-провидцем или предсказателем или же обладателем обеих этих способностей. Он иногда отождествляет и объединяет силу предвидения пророка с «профессиональной» способностью предсказателя.

На протяжении многих лет я был впечатлен точностью предвидения и предсказания Нострадамусом событий и их внутренних связей и взаимовлияний, закрытых от него веками непредсказуемости и хаоса. После нескольких месяцев борьбы с собственными сомнениями я с неохотой и без всякого энтузиазма сделал вывод о том, что Нострадамус — предсказатель, но не пророк. Я не могу судить все его катрены, однако многие его предсказания сбылись с провидческой точностью, в частности одно из них, относящееся к Советскому Союзу.

Подавляющее большинство библейских пророков демонстрируют в течение длительного периода свою миссию и способность предвидеть события будущего такой временной глубины, на которую не способны лучшие специалисты в сфере стратегического планирования. Мудрость и видение пророков охватывают века, как, например, предвидение пророка Даниила. Конечно, современникам трудно подтверждать или опровергать подобные способности провидцев: провозглашенное пророком может стать реальностью во времена, когда его современники десятилетия и столетия уже находятся в ином мире.

Важно подчеркнуть, что из вышеизложенного совсем неверно заключить, что каждый лидер, упомянутый в священных текстах, является пророком. Библейский царь Давид — яркий пример великого лидера, который не был пророком. Давид почитал пророков-провидцев, пригласив их в свое окружение, в частности

¹ *Nostradamus. The Complete Prophecies of Nostradamus* / H. C. Roberts. L. : Thorsons, 1994. P. XVIII–XIX.

Натана (Нафан, Nathan), огласившего несколько пророчеств, ставших библейской реальностью. Именно Натан предвидел Соломона в качестве преемника Давида, которому и суждено было воздвигнуть храм. С этой точки зрения в библейской истории профессии пророков и лидеров уже были разделены. Пророки почти всегда воспринимались окружением как люди, наделенные мудростью, несмотря на то что часто первая из приписывающихся им характеристик была скорее связана с их «неполной нормальностью».

В древнегреческой мифологии и истории роли мудрой персоны и прорицателя были разделены. Философы серьезно не рассматривали провидцев, а сами не воспринимались современниками в качестве пророков. В то же время ни философы, ни пророки, ни предсказатели не рассматривали лидеров в качестве пророков и даже прорицателей. И это несмотря на то что Платон в диалоге «Государство» утверждает, что в идеальном государстве править должны философы, предполагая, что идеальные идеи и теории в этом случае будут идеально реализовываться в практике реального руководства. Кстати, в силу подчеркнутого выше разделения функций лидера и предсказателя и тем более пророка-провидца логически вполне возможно предположить (как и отмечают некоторые историки), что Александр Македонский консультировался у Дельфийского оракула с целью лучшего понимания своей миссии и будущего.

Для стратегов наиболее важная ценность пророков-провидцев заключается в их правиле связывать пророчества со шкалой времени, поскольку фактор времени в стратегии (согласно моим исследованиям) является детерминирующим¹. Философам же эта провидческая корреляция провозглашаемых будущих событий со временем несвойственна. Стратегия и стратегические сценарии всегда соотносятся и связываются со шкалой времени. Закон экономии времени, как доказывается в моих исследованиях, является первым и главным законом стратегии и процессов стратегирования. Несмотря на то что экономическая теория Карла Маркса в качестве первого экономического закона определяет закон стоимости, другие школы экономистов обосновывают в качестве важнейшего закон спроса и предложения. В стратегии оба эти критерия — стоимость и соотношение спроса и предложения — могут фундаментально изменяться с течением времени. Профессионалы, которые предлагали стратегические советы, также действовали и в древние времена. По существу это институт советников, дающих рекомендации долгосрочного характера. Можно утверждать, что советники фараонов в Древнем Египте были в некоторой степени стратегами. То же самое мы можем сказать о визирях, которые были советниками ханов или султанов в Османской империи и в целом в мусульманском мире. Что мы не знаем о тех временах с достаточной точностью, так это баланс между мифом, ранними верованиями, психологией, связанной со способностями интуитивно предвидеть будущее и с практическими или научно обоснованными стратегическими знаниями.

¹ Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. N. Y. ; L. : Routledge, 2015. P. 63–64.

Чем функционально отличается пророк-провидец от стратега? В большинстве исторических или легендарных примеров пророки предвидят будущее нации или индивидуума, будь оно позитивным, негативным или даже трагическим. Пророки не планируют и не представляют многочисленные сценарии, базирующиеся на их анализе фактов и факторов, предопределяющих предвиденное ими. Они каким-то образом интуитивно воспринимают будущее, причем безальтернативно. Характеристики этой футуристической картины будущего связаны как с общим культурным и научным уровнем общества или окружения провидца, так и с его личными знаниями, ценностями, интересами. Стратег же, хотя бы в силу практической необходимости, всегда должен иметь несколько сценариев, чаще альтернативных. Если стратег абсолютно уверен в результатах своего анализа, он в исключительных случаях может предлагать только один сценарий, однако это редкость и таит больше опасных последствий, чем наличие основного и альтернативных сценариев. Даже гениальные стратеги предлагают более одного сценария по результатам стратегического планирования; предвидеть и полагаться только на один абсолютный результат непрофессионально. Мои исследования показывают, что всегда следует разрабатывать два или три объективно применимых эффективных сценария ввиду вероятности появления в стратегируемый период новых возможностей и угроз².

Пророки не могут иметь альтернативы, потому что они не стратегируют будущее, а скорее «видят» или предвидят его как завершенную картину. Предположим, теоретик или практик стратегии допускает и принимает эту способность пророков предвидеть будущее без каких-либо стратегических разработок, тогда стратег должен также понимать, что в этом случае он не имеет способности изменять период будущего, предвиденный пророком, несмотря на свою уверенность в высокой вероятности иных сценариев и контуров данного отрезка будущего, к которому он пришел, используя свои знания, опыт и стратегическое мышление. Сущностно стратег и его долгосрочная стратегия в этом случае противопоставляется иррациональной судьбе, поскольку, полагаясь на пророка, доверяя его способности предвидеть, стратег подсознательно полагается на судьбу, и это приносит человечество, как лодку без руля и ветрил, к берегу предсказанного конца. В предвидениях и описаниях будущего, высказанных пророком, единственный ответ — быть готовым столкнуться с этим и принять это. Хотя даже знание о безальтернативности предвиденного пророком иррационального будущего позволяет встретить его подготовленным сценарием дальнейших действий...

Мне известно несколько уникальных примеров того, как даже великие стратеги, представляя тяжелые последствия своих конкретных решений долгосрочного характера, иногда абсурдно следуют им как «все-видящей» иррациональной судьбе, пренебрегая своими знаниями и опытом. Здесь представляется наиболее уместным привести пример, который, я уверен, демонстрирует, как стратег вышел за пределы своей

² Kvint V. L. Op. cit. P. 104–105.

стратегии, предвидя высокую вероятность ошибочности и неоправданного риска своих в значительной степени необязательных действий. Читая мемуары Наполеона о его военной кампании 1812 года в России, легко отметить пассажи, в которых он подчеркивает необязательность этой кампании и высочайшие риски, а также прямо указывает на отсутствие у него разработанного плана. Но при этом Наполеон подчеркивает: «Если бы даже у меня был заранее обдуманый план, расположение русских войск неминуемо заставило бы меня отступить от него»¹. То есть Наполеон, отмечая неминуемые поражения разрушительной для всей его империи силы, просто вел за собой четырехсоттысячную армию, отдавая себя и войско на произвол абсурдной судьбы. Здесь уместно вспомнить приписываемый раннехристианскому теологу и философу Тертуллиану пассаж: «Верую, ибо абсурдно», в котором, по сути, провозглашается торжество иррационального. Несмотря на огромные потери и нарастающий со стороны соратников критицизм, Наполеон по-прежнему продолжал свой губительный курс. Этот великий гений стратегии не имел ясного объяснения своих действий, подчеркивая многократно, что в силу политических и военных факторов у него не было альтернатив. Я размышлял об отношении Наполеона к его решениям в этой кампании и сделал вывод, что он, уже понимая исход, не мог изменить свой курс. Он закончил эту войну с пустыми и связанными руками, потеряв не только данный поход, но и свою армию, и тысячи жизней с обеих сторон, кроме того, изменил курс Франции во многом, хотя и не совсем, в худшую сторону. Он был неожиданно и жестоко побежден в относительно молодом 43-летнем возрасте и в зените таланта и успеха как государственного деятеля и военного лидера. В своих мемуарах он делал признания о неотвратимости нападения на Россию, поскольку искренне верил, что не имеет другого выбора. Убежден, что была судьба, предначертанная пророчеством, столь сильно повлиявшим на подсознание Наполеона. Трудно найти другое объяснение, почему личность с таким выдающимся стратегическим мышлением может написать такое признание, несмотря на утрату всего, что достиг.

Пророк или предсказатель — крайне редко лидер каких-либо практических решений и действий. Пророк — это прежде всего духовный поводырь и часть души нации и своего окружения, своих последователей на пути к «увиденному» будущему. Вот почему пророки, которые сочетают способности провидца и посланника Высшей силы с лидерскими качествами практика, абсолютно уникальны. В большинстве христианских верований описываются три различные лидерские роли, представленные в Ветхом Завете: пророк, священник и король. В редчайших личностях эти роли сочетаются. Библейский Аарон был первым первосвя-

щенником, однако Моисей был пророком и фактическим лидером. В течение всей Эпохи Судей до ветхозаветного первого царя народа Израиля Саула судьями были лидеры и священники. Не говоря уже об историографических фактах, даже в мифологических историях очень редко можно найти примеры, в которых пророк был бы также практичным лидером, за исключением прежде всего Моисея и Мухаммеда. Однако и Моисей даже в библейских историях никогда не был официальным или государственным лидером израильтян; он умер до того, как нация обрела свои территориальные границы. Если сравнивать таланты стратега и лидера, то следует подчеркнуть, что стратег — это профессия, истоки которой уходят в исторические глубины военной деятельности. Однако люди с сильной интуицией, глубокими знаниями и ясным видением будущего могут быть стратегами вне зависимости от сферы их деятельности.

Деятельность в сфере стратегирования траекторий и векторов движения к будущему, отделенному от дня сегодняшнего большими периодами, постепенно приобрела уникальные характеристики и к середине XX века сформировалась как профессия. В ведущих университетах мира начали появляться кафедры, готовящие профессиональных стратегов. При этом профессиональный стратег совсем не обязательно должен являться руководителем и лидером. Если отличный профессиональный стратег не наделен лидерскими качествами, он может расти как специалист в сфере практического стратегирования в качестве советника, консультанта или вести исследования теории и методологии стратегии.

Профессиональный стратег — это мудрый, оптимистичный и дисциплинированный специалист, имеющий стратегическое мышление и интуицию, которой он никогда не должен пренебрегать². Он должен изучать и учитывать культурную и религиозную среду стратеглируемого объекта и регионов реализации стратегии. Профессиональный стратег должен обладать методологией стратегирования, быть наделен широким пониманием и быстрым восприятием новых закономерностей и трендов технологического, социального, экономического, экологического характера. Профессиональный стратег, взаимодействуя с лидером, помогая ему, может вносить неоценимый вклад в деятельность лидера по правильной оценке конкурентных преимуществ субъекта стратегирования в процессе формулирования приоритетов, разработки сценариев и планов, форм и методов их реализации на пути к сценариям будущего. В XXI веке контуры и характеристики будущего, ценности и приоритеты, к которым должно стремиться общество, векторы и темпы этого движения не могут грамотно определяться и эффективно достигаться без профессионально разрабатываемых и последовательно реализуемых стратегий.

¹ Мемориал 1812 года. Война глазами Наполеона / с коммент. В. Димова. М.: Классика, 2012. С. 38.

² Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес Атлас, 2012. С. 353, 362–363.